

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА


ЗНАК
Москва
2007

РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Одной из ключевых сцен романа Достоевского «Идиот» является описание происшествия на даче в Павловске — с чтением стихотворения Пушкина о рыцаре бедном. Во всех изданиях романа текст этот приведен явно не в том виде, в каком его вдохновенно продекламировала Аглая. Стихотворение здесь напечатано по тексту второй, сокращенной редакции, известной в ту пору в качестве романса из неоконченных «Сцен из рыцарских времен».

Заметим, что с самого начала это дает непростое соотношение драматических ситуаций, воссозданных двумя писателями. В пушкинской пьесе романс исполняет Франц, получивший возможность перед казнью поведать о любви к Прекрасной Даме, ему внимающей. У Достоевского стихотворение с «вдохновенным восторгом» произносит Аглая, защищая «бедного князя Мышкина»¹. И реакция слушателей в обоих случаях прямо противоположна: в «Сценах» рыцари и дамы (за исключением, скорее всего, Клотильды) не подозревают ни о каких откровениях. В романе же они понятны всем, кроме простодушных Епанчиных-старших. То есть романная ситуация по отношению к оригиналу почти трагедийна. Внимательным читателям того

¹ Именно так называется герой самим автором в начале второй части романа: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 8. Л., 1973. С. 155. Далее ссылки на сочинения Достоевского даются в тексте статьи.

времени был, наверное, внятн комизм ее, тем более что он был оттенен возникшей по ходу сцены (возбуждающей читательскую активность восприятия текста) перепалкой между Колей Иволгиным и Аглаей Епанчиной:

Правда, есть там (то есть в стихотворении. — С. Ф.) какой-то темный, недоговоренный девиз, буквы А. Н. Б., которые он начертил на щите своем...

— А. Н. Д.,² — поправил Коля.

— А я говорю А. Н. Б. и так хочу говорить, — с досадой перебила Аглая... (8, 207).

Странным образом процитированный в романе поэтический текст в изданиях сочинений Достоевского, тем не менее, содержит подлинные пушкинские строки:

А. М. D. своею кровью
Начертал он на щите³,

и чуть ниже специально отмечено:

Что была насмешка, в том он (*князь Мышкин. — С. Ф.*) не сомневался; он ясно это понял и имел на то причины: во время чтения Аглая позволила себе переменить буквы А. М. D. в буквы Н. Ф. Б.⁴

² В сознании Достоевского данная пушкинская строка, очевидно, запечатлелась с аббревиатурой А. N. D. — то есть «Ave Notre-Dame»: роман В. Гюго «Notre-Dame de Paris» в произведении русского писателя был одним из творческих ориентиров, наряду с «Дон-Кихотом» Сервантеса.

³ Рукописи романа не сохранилось. Мы предполагаем, что в ней писатель обозначил стихотворение лишь первой строкой, предлагая воспроизвести при публикации в журнале поэтический текст по одному из пушкинских изданий.

⁴ В академическом издании здесь введена конъектура А. М. D. — в соответствии с пушкинским текстом. Но едва ли бы было не корректнее ввести конъектуру Н. Ф. Б. — в прочитанное Аглаей стихотворение, объяснив обстоятельства дела в соответствующем примечании. Нам кажется, что дважды ошибиться в написании этих букв Достоевский не мог.

Правильно оценить заданную комическую тональность данного эпизода совершенно необходимо. Заметим, что писатель загодя готовил читателей именно к такому восприятию. Вспомним, что, передавая Аглае записку князя, Коля «нарочно для этого случая выпросил у Гани, не объясняя ему причины, надеть его совершенно еще новый шарф» (8, 158)⁵, — и это произошло явно до первого разговора у Епанчиных о «рыцаре бедном». Само же чтение стихотворения Пушкина предварено в романе спором Коли и Аделаиды:

Портрет не хотели нарисовать — вот в чем виноваты!
(...)

— Да как же бы я нарисовала, кого? По сюжету выходит, что «рыцарь бедный»

С лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.

Какое же тут лицо могло выйти? Что нарисовать: решетку? Аноним? (8, 205—206).

И это еще не все. Постараемся понять, кому из персонажей принадлежало первое отождествление князя Мышкина с «рыцарем бедным»? На первый взгляд, — самой Аглае: именно она месяц назад, как вспомнил Коля, перебирая страницы «Дон-Кихота» (между которыми, как мы знаем, была заложена записка князя), воскликнула, что «нет лучше «рыцаря бедного»» (8, 205). Но недаром сама сцена декламации в романе прерывается приходом на террасу Евгения Павловича Радомского (лишь походя упомянутого в самом начале второй части), и тут же специально отмечено:

Насмешливая улыбка бродила на губах нового гостя во все время чтения стихов, как будто и он уже слышал кое-что про «рыцаря бедного».

«Может быть, сам и выдумал», — подумал князь про себя (8, 208).

⁵ Пушкинский «рыцарь бедный», как мы помним, «четки вместе шарфа повязал».

Как всегда у Достоевского, князь Мышкин гениально прозорлив, и потому его предчувствиям читатель непременно должен доверять. Действительно, прежнее восклицание Аглаи о рыцаре, как выясняется, вырвалось у нее по ходу «длинного разговора», в котором участвовал и Евгений Павлович (см.: 8, 205).

Может показаться, что вполне оформившаяся лишь 17 апреля 1868 года⁶ идея о «рыцаре бедном» брезжила в сознании Достоевского чуть ли не с самого начала его работы над новым романом. Самая ранняя запись о замысле произведения предварена пометой «14 сентября 67. Женева» — Достоевскому было известно⁷ принципиально важное, проясняющее имя «Прекрасной Дамы» четверостишие из первой, пространной редакции стихотворения:

Путешествуя в Женеву,
Он увидел у креста
На пути Марию-деву,
Матерь Господа Христа⁸.

В этой связи может показаться значащим и имя женщины, участие в судьбе которой принял еще в Швейцарии князь Мышкин — Мари (здесь, несомненно, содержался своеобразный пролог к главной фабульной коллизии романа)⁹.

Однако, по всей вероятности, в замысле романа намечалась несколько иная литературная генеалогия образа князя Мышкина, что проясняется его рассказом у Еланчиных о Швейцарии:

⁶ См.: 9, 263.

⁷ См.: 9, 403.

⁸ *Иезуитова Р. В.* «Легенда» // Стихотворения А. С. Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 243.

⁹ Отмечено, что упоминание о бедной Мари, покинутой любовником после какого-то жестокого и неоправданного действия священника и сошедшей с ума, Достоевский заметил в произведениях Стерна «Тристрам Шенди» и «Сентиментальное путешествие»: *Иванов М. В.* Судьба русского сентиментализма. СПб., 1996. С. 323—324.

Сначала, с самого начала, да, позывало, и я впадал в большое беспокойство. Все думал, как я буду жить; свою судьбу хотел испытать. ⟨...⟩ Тоже иногда в полдень, когда зайдешь куда-нибудь в горы, станешь один посредине горы, кругом сосны, старые, большие, смолистые, вверху на скале замок средневековый, развалины. ⟨...⟩ Вот тут-то, бывало, и зовет все куда-то... (8, 51).

Это внятная отсылка к балладе Жуковского «Двенадцать спящих дев»:

Уже двадцатая весна
Вадимова настала;
И чувства тайного полна
Душа в нем унывала.
«Чего искать? В каких странах?
К чему стремить желанье?»
Но все — и тишина в лесах,
И быстрых вод журчанье,
И дня меняющийся вид
На облаке небесном,
Все, все Вадиму говорит
О чем-то неизвестном¹⁰.

И далее:

Между обломками столбов,
Как бледный дым мелькала
Бредуща тень... вдруг меж кустов
Вдали она пропала.
Там, бором покровен, утес
Вздымался крут и страшен,
И при луне из-за древес
Являлись кровы башен¹¹.

И реплика «Ведь у него 12 спящих дев» (9, 270), зафиксированная среди черновых набросков, проецирует сюжетную перспективу романа. Герой баллады Жуковского, от-

¹⁰ Жуковский В. А. Сочинения. М., 1954. С. 153–154.

¹¹ Там же. С. 160.

бив у злодея киевскую княжну, устремлен душой от нее к зачарованному замку с невинными девами и обретает свою судьбу в спасении их, одна из которых ему провидением предназначена. Так и князь Мышкин от Настасьи Филипповны устремляется к одной из сестер Епанчиных. Пророческое видение преследует его и позже:

О, как бы он хотел очутиться теперь там и думать об одном — о! всю жизнь об этом только — и на тысячу лет бы хватило! И пусть, пусть здесь совсем забудут его. О, это даже нужно, даже лучше, если б и совсем не знали его и все видение было бы только в одном сне. Да не все ли равно, что во сне, что наяву! (8, 287)

Ср. у Жуковского:

Три сряду утра тот же сон;
 Душа его в волненье.
 «О, что же ты, — зовет он, —
 Прекрасное виденье?
 Куда зовешь, волшебный глас?
 Кто ты, пришлец священный?
 Ах! где она? Увижу ль вас?
 И сердцу откровенный
 Предел откроется ль очам?»¹²

И снова потом на «зеленой скамейке» непосредственно перед свиданием с Аглаей, «одно давно забытое воспоминание зашевелилось в нем» и вдруг разом выяснилось:

⟨...⟩ Он раз зашел в горы, в ясный, солнечный день, и долго ходил с одною мучительною, но никак не воплощавшеюся мыслию. Перед ним было блестящее небо, внизу озеро, кругом горизонт светлый и бесконечный, которому конца-края нет. ⟨...⟩ Мучило его то, что всему этому был он чужой. Что же это за пир, что же это за всегдашний великий праздник, которому нет конца и к которому тянет его давно, всегда, с самого детства, и к которому он никак не может пристать... (8, 351).

¹² Жуковский В. А. Сочинения. С. 154.

Князь забывается на скамейке сном, в котором ему предстает «знакомая до страдания» женщина (Настасья Филипповна?), у которой было «теперь как будто *не такое лицо, какое он всегда знал*» (курсив мой. — С. Ф.), «он чувствовал, что тотчас произойдет что-то ужасное». «Он встал, чтобы пойти за нею, и вдруг раздался подле него чей-то светлый, свежий смех (...) Перед ним (наяву. — С. Ф.) стояла и громко смеялась Аглая» (8, 352).

Любовь к Аглае — проявление наметившегося было физического выздоровления князя, здоровое светлое чувство, выход из мрака:

В моем тогдашнем мраке мне мечталась... мерещилась, может быть, новая заря. Я не знаю, как подумал о вас первой (8, 363).

Это, однако, еще не вся истина. В критической литературе обычно резко противопоставляются «любовь-сострадание» князя к Настасье Филипповне и «любовь-восхищение» — к Аглае. Но вспомним первое впечатление его об Аглае: «Вы так хороши, что на вас боишься смотреть (...) почти как Настасья Филипповна, *хотя лицо совсем другое!*...» (8, 66. Курсив мой. — С. Ф.). Случайно ли эти слова отзываются эхом во сне князя на «зеленой скамейке»? Только ли Настасья Филипповна ему мерещилась?

Вполне очевидно, что любовь Мышкина к Аглае также возникает из сострадания, пророческого беспокоящего предчувствия, желания защитить ее — прежде всего от нее самой: «...мне ужасно бы желалось, чтобы вы были счастливы. Счастливы ли вы?» (8, 157).

И здесь еще большая ответственность: несчастья, ломающего судьбу Аглаи, пока не произошло, но и не должно произойти. Однако оно уже грезится не только Мышкину, но и ее матери: «О Господи, как она будет несчастна» (8, 273). «Положительно прекрасным» героем в романе остается один Мышкин — все остальные, и Аглая в том числе, в чем-то все же ущербны.

И с этой точки зрения мы должны снова вернуться к ключевой сцене романа, в которой князь окрещен «рыца-

рем бедным». «Припоминая всю эту минуту, — замечает автор, — князь долго в чрезвычайном смущении мучился одним неразрешимым для него вопросом: как можно было соединить такое истинное, прекрасное чувство с такою явною и злобною насмешкой?» (8, 209). Речь здесь идет о замене здравицы Богоматери «Ave Mater Dei» намеком на воплощение Марии Магдалины: Н. Ф. Б. — Настасья Филипповны Барашковой. Именно в этот момент «что-то тяжелое и неприятное как бы уязвило князя» (8, 210). В возрастающем чувстве Аглаи к «рыцарю бедному» ясно различима гордыня, как бы желание заменить в интерпретированном ею по-своему стихотворении Пушкина аббревиатуру Н. Ф. Б. на А. И. Е. (Аглая Ивановна Епанчина).

Определение «рыцарь бедный» ни разу не употреблено в романе в собственно авторской речи, но лишь в разных по тону отзывах о князе различных персонажей: от издевательского (у Евгения Павловича Радомского) до восторженно-патетического (у Аглаи). Но и в последнем случае, как нам представляется, это не более чем приблизительное толкование «положительно прекрасного человека». По справедливому замечанию Вяч. Иванова, князь Мышкин не Дон-Кихот и не «рыцарь бедный». Он — князь Христос¹³, по мнению Достоевского, зарегистрированному в черновых наметках (по вполне понятной причине это определение не попало в окончательный текст романа).

В толковании Аглаи пушкинского стихотворения следует увидеть предвестие ее судьбы (отрыва от почвы), не менее трагической, нежели у Настасьи Филипповны (так, по крайней мере, дело представлялось самому автору).

¹³ Исследуя литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых», В. Е. Ветловская отметила, что именование «князь», которым наделяет Алешу Грушенька, идет или из «Жития Алексея, божиего человека», или же, скорее всего, из духовных стихов о нем (см.: Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство. Сб. статей. М., 1971. С. 201). И в планах «Идиота», возможно, аналогичное происхождение опре-

Косвенным свидетельством этого послужит признание Дмитрия Карамазова:

Красота! Перенести я притом не могу, что иной, вышший даже сердцем человек и с умом высоким начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит у него сердце его, и воистину, воистину горит... (14, 100).

Не таков князь Мышкин. В Аглае же, как окажется в итоге, уголек «содомского огня» подспудно давно тлел.

деления «князь» в сочетании с «Христом». В дефинитивном же тексте романа несомненно нарочито проведено постоянное употребление вплотную наименований «князь Мышкин» и «князь Ш.» (последним наименованием пользуется не только автор, но и персонажи).